

ГЕОРГИЙ БАЖЕНОВ

**БАБУШКА
И
ВНУЧКА**

СЕМЕЙНАЯ ХРОНИКА

Москва
«Книга по Требованию»
2014

ББК 84(2Рос-Рус)6
Б 16

*Автор благодарит за издание этой книги
Международную лигу защиты человеческого
достоинства и безопасности*

Баженов Г. В.

Б 16 Бабушка и внучка. *Семейная хроника*. — М.:
Книга по Требованию, 2014. — 368 с.

ISBN 978-5-7117-0050-0

Книга Георгия Баженова «Бабушка и внучка» — это прежде всего ответ писателя на то, какие должны быть отношения между младшим и старшим поколениями людей.

Главное — любовь, доверие, доброта, сострадание, взаимопонимание, взаимопроникновение в душевное и духовное состояние друг друга, чуткость и искренность.

Не теряйте себя, не теряйте друг друга, не теряйте свое счастье — вот лейтмотив проникновенной семейной хроники Георгия Баженова.

Читайте и наслаждайтесь, дорогие друзья.

ISBN 978-5-7117-0050-0

© Баженов Г. В., 2008

© Издательство

«Книга по Требованию», 2014

БАБУШКА И ВНУЧКА

*Памяти
Веры Михайловны
АБРАМОВОЙ*

ГОД ПЕРВЫЙ

1. Что хорошо, то хорошо

Запомнились счастливые глаза Людмилы.

Марья Трофимовна как раз склонилась над внучкой, когда Людмила вбежала в комнату.

— Приехали?! — Марья Трофимовна подхватила внучку на руки, чувствуя, как от радости и волнения пересохло в горле. Маринка увидела Людмилу, сморщила личико, заулыбалась, потянулась к ней растопыренными ручонками. Тут в дверях показался Витя с чемоданами в руках, и вся эта картина, как фотография, отпечаталась в сознании Марьи Трофимовны на долгие годы, на всю жизнь.

— Оп-па! — Марья Трофимовна опустила внучку на пол. — Видишь, кто к тебе приехал? Мама с папой! Ну-ка, пошли, пошли...

Маринка сделала неуверенный шаг вперед, покачнулась — влево, вправо, назад, но удержалась, все смотрели на нее, улыбались... Марин-

ка сделала второй шаг, и опять ее повело по стонам, но и на этот раз она удержалась, вид у нее был напряженно-потешно-счастливый... Потом она словно забыла, что сзади стоит бабушка, она видела теперь только маму и папу, которого еще не знала, не видела ни разу, поэтому она видела все-таки только маму, смотрела на нее и шла к ней.

Смотрела на дочь и Марья Трофимовна, и сердце ее, как никогда до того, было переполнено сладкой болью и радостью за Людмилу. Это была ее дочь, ее кровиночка — совсем еще юная, с большими сияющими глазами девочка-женщина, короткие светлые волосы, чистое лицо, полные губы, огромнейшие глаза... нежно-малиновое укороченное платье с замком от воротника до подола, с небольшим внизу разрезом, в котором смуглели ее по-женски полные ноги. И это было самое сильное впечатление — одновременно детскость и женственность Людмилы.

Маринка сделала еще шаг, еще и даже протянула к маме ручки, в то время как Марья Трофимовна, улыбаясь, говорила ей сзади:

— Ну, скажи: па-па, па-па...

Самое важное, что сейчас происходило, было связано с Витей, с его приездом, которого так все ждали. Витя тоже чувствовал, что он сейчас центр внимания, центр той оси, вокруг которой развертывалась встреча с родными и близкими, и вместе с радостью, волнением испытывал скованность, растерянность. Впрочем, сам того не

сознавая, он уже улыбался — слегка потерянной, слегка даже наивной и как будто озадаченной, но вполне счастливой улыбкой, когда Маринка, споткнувшись, вдруг расширила в удивлении и страхе глаза и сказала:

— Ма... па... ма-па...

И тут так все обрадовались, что она сказала сейчас это «па», которому ее долго учили и которое заучивалось ею с трудом, ибо она никак, наверное, не понимала, к кому должно было относиться это «папа».

— Скажи: па-па, па-па... — повторяла сзади Марья Трофимовна.

Маринка оглянулась, наморщила лобик, сказала чисто: «Па-па», шагнула вперед и упала. Но не заплакала, не захныкала, а как-то странно, заливисто рассмеялась.

Людмила быстро и ловко наклонилась, подхватила дочку на руки, целуя ее в пушистые волосики, приговаривая:

— Ах ты моя умница! Упала? Упала, моя маленькая, ушиблась, моя хорошая. Ух мы этому сейчас полу, ух мы этим сейчас досочкам! — ударили нашу Мариночку... какие такие-сякие нехорошие... Вот мы вам как погрозим, вот как погрозим!

Маринке, видно, было щекотно от маминых волос и слишком, наверное, чудесно, счастливо на маминых руках, она смеялась тоненьким писком, как мышонок, и мотала головой из стороны в сторону, и тоже грозила кому-то пальчиком.

— Ну-ка, пойдем к нашему папе... сейчас мы пойдем к папе на ручки. Видишь, какой у нас замечательный папа... родной-родной наш папа... — Людмила передала Маринку Вите, он взял ее неумело и неуверенно, и Маринка тоже как-то странно затихла, насторожилась, хотя и не вырывалась из рук: ее успокаивал ласковый голос матери. Как раз в этот момент с шумом, треском и грохотом в дом начали втаскивать чемоданы, коробки и свертки Глеб с Сережкой.

— Да потише вы! Вот уж, ей-богу, слоны, — улыбалась Марья Трофимовна. — Сережка, слышишь ты или нет? Господи, да откуда это столько? Как хоть вы везли-то, Людмила? На такси из Свердловска?

— Ох, мама, везли-то как! — засмеялась счастливо Людмила. И вдруг она рассмеялась так громко и весело, всплеснув при этом руками, что ясно было, смеется она совсем не из-за этих слов: «Ой, мама, везли-то как!».

И тут все поняли, в чем было дело, Сережка даже подошел и похлопал-погладил Маринку по спине:

— Ну, Мар, молоток! Так его, папашу... с приездом, мол!

Витя в растерянности моргал ресницами и держал Маринку на слегка вытянутых руках. Но было уже поздно — на белой его нейлоновой рубашке поблескивала изумрудно-бронзовая дорожка.

— Снимай, снимай живо! Надо замочить... — Людмила, смеясь, выхватила у него из рук Маринку, в одну секунду сдернула с нее пижамку, как бы заметалась по комнате, а на самом деле удивительно точными и расчетливыми движениями открыла ящик комода, вытащила пеленку, чистые трусики, платице, уложила Маринку на кровать, протерла ее пеленкой, в два приема надела на нее трусики, платице, чмокнула в одну щеку, в другую, подхватила на руки, передала дочку Сереже, забрала у Вити рубашку, которую тот держал уже в руках, выскочила из комнаты, налила в тазик воды — слышно было, как она гроыхала за дверью тазом, — и замочила Витину рубашку; с довольным и счастливым видом впорхнула в комнату — улыбающаяся, раскрасневшаяся, такая удивительно свежая, юная, подвижная, вся из света, любви, жизни и радости!

Самое хорошее, что наконец-то исчезла скованность, первые мгновения взаимного вчувствования-всматривания друг в друга... Как раз когда Людмила вернулась в комнату, Марья Трофимовна крепко, как мать сына, обняла Витю и, похлопывая его по спине: «Исхудал, исхудал-то как, Господи... одни ребра остались...» — расцеловала его от сердца. А Людмила прямо с порога бросилась им обоим на шею, повисла на них, поцеловала сначала мать, потом мужа, потом еще раз Марью Трофимовну, потом Витю.

— Ну вот, ну вот, — говорила на это Марья Трофимовна, — меньше Маринки своей. Да ведь задушишь, слышишь?! Ох, уж Господи, рада-то как... ну прямо совсем глупая девчонка...

— Да, да, — отвечала Людмила, — да, да, да...

И Маринка, слыша голос матери, повторяла за ней:

— Да, да, да, да...

— Вы бы на себя со стороны посмотрели, — ухмыльнулся Глеб. — Может, для начала вмазать не мешает?

— А ну, Мар, — сказал Сережка, подходя с Маринкой к буфету, — где тут у этих теток и дядек большая рюмка? Во-о-от она...

— Ну, ну, ладно вам, — махнула рукой Марья Трофимовна. — Без вас знаю. Беги к Серафиме, слышь, Сергей! Скажи: Виктор приехал. И к бабушке с отцом сбегай. Степан, наверно, тоже у них. Только так: одна нога там, другая — здесь...

Через час, не больше, сидели уже за столом гости и гостьи, шел разговор — разбросанный, со смехом, с удивлениями и восклицаниями, с тостами, с обычными: «Нет, ты мне скажи...» — и с обычными же: «А что, и скажу...» — разговор самый пёстрый, гудящий, но так или иначе все прислушивались к Вите и Людмиле, потому что она, уже зная многое от Вити, вдруг начинала подхватывать его рассказ и рассказывала порой даже интересней, чем он, ее Витя.

— Самое смешное, я вижу, он там, за стеклом, и он видит, я здесь, за стеклом, и вот бегаем — он там, а я тут, слезы на глазах, смеюся как дурачки... а что делать, надо ждать, пока через таможду пройдет. А что потом было! Их оттуда всех выпустили, а мы отсюда к ним бросились, все смеются и плачут, и такое всё, как не знаю что... А помнишь? — повернулась она к Вите, — я так обиделась на тебя, я к тебе, а ты еще к кому-то, я же не знала, что это твои друзья, я думала, это совсем-совсем чужие, а это его друзья, представляете? Я обиделась — прямо не знаю как, стою, на глазах слезы, а он смеется, ты смеешься, а мне обидно, что не только я, значит... И потом он опять что-то мне говорит, говорит, говорит, я, как сумасшедшая, и плачу, и смеюсь, и думаю: какой он у меня весь родной, и вижу, так соскучился, вижу, такой родной... и чужой почему-то — отчего это? — не знаю, не понимаю, а это ведь он из Индии, из такого далека, и так долго всё было — разве это можно? — в общем, не знаю ничего, обняла его, плачу, тушь по лицу течет, и так мне все равно, все равно, что кругом люди и мало ли что подумают, ну пусть... Да ведь и у всех то же самое, разве нет? У всех одно — слезы, смех и как в тумане всё... Витя, помнишь?

— А как у них вот с этим... ну, в общем, как они в смысле буржуазии и капиталистов? Зажали их там или все-таки не очень? А?

Это почему-то очень смешной вопрос, по крайней мере все смеются или понимающе улыбаются, а Витя говорит и путается, начинает говорить об одном и незаметно переходит на другое, и в том, как он рассказывает, видится не только Бомбей сам по себе, или Дели, или Аджанта с Эллой, а еще и Витя с его чувствами, с его мыслями, все это перемешано-перетасовано так, что бог его знает, о чем, по существу, речь, а речь, собственно, о том, что было пережито, и что было увидено, и что ощущалось при этом, и что запомнилось...

— А змеи?

— И змеи, конечно!

— Неужто так и выются?

Тут опять все смеются, и хотя Марья Трофимовна, тоже смеясь, повторяет: «Тише, тише, ребенок...» — никто не может быть тихим, а впрочем, Маринка, разметавшись в своей кровати, спит сладко и спокойно, шум и смех ей не мешают. Витя встает, и вино уже действует, и радость раскованна и очевидна, его слегка покачивает то туда, то сюда, он подходит к кровати, смотрит на дочь и с удивлением думает, что вот эти ручки, это личико, этот румянец на щеках, это все хрупкое, нежное, незащищенное существо — все это его, все это он сам. «Странно, — думает он, — странно...» А Людмила обнимает его сзади и шепчет: «Тебе не верится? Тебе нравится она, Витя?» И он говорит: «Очень. Только странно...» — «Странно? Стран-